

ТРИБУНА С'ЕЗДОВСКОЙ ДИСКУССИИ

ГЕРОИ И ПОЗУМЕНТЫ

В 1762 г. Диего разыскал молодого драматурга Сезана в его мансарде и восторженно жал ему руки так же, как через несколько десятков лет сделала Белинский в комнатушке автора «Бедных людей». А другой современник — передовой буржуазный критик Гримм называл Сезана «французским Шекспиром» и даже отдал ему проплещение перех Шекспирам английским.

В пьесе Сезана «Философ, сам того не зная», богатый купец Вандер в честь свадьбы своей дочери узнает, что его сыну грозит опасность — предстоит дуэль. Счастливый день окраин. Но Вандер ценой жертвы добивается того, что противники мирятся, и в дом, потрясенный несчастьем, вновь входит радость.

Этот несложный сюжет вызвал такой энтузиазм у идеологов революционной буржуазии потому, что на сцену вышел новый герой, не менее мужественный и не менее благородный, чем герой французской трагедии, но без шаги на боку, герой, щеколдящий на счетах и пересчитывающий свою речь деловыми коммерческими терминами.

Новый герой был классово определенным. Мы сейчас говорим о нашем герое. Все четыре локала о драматургии с'езда с разных сторон походят к одному вопросу — о способе изображения героя-строителя бесклассового общества.

И вот здесь, мне кажется, нужно преосторечь от излишнего упрощения этого сложнейшего вопроса.

В Киршон протестует против «необщиваемых героев в необщиваемых условиях». А Н. Погодин заявляет, что «ничист исчезает, жест, как драматический прием, как характеристика героя, как высота спасительного раскрытия — «бояня» — попадает в конька».

Погодин в данном случае под «жестом» подразумевает эффективную тираду.

Действительно, на с'езде от выступавших перед нами подлинных гигиен — от Шимита, от Изотова, от лучшего машиниста Бочина — мы никаких «попадарств» не слыхали и никакого бинения в грудь не видели.

Но, когда мы говорим о простоте, мы не должны понимать ее в духе Сезана, где тоже была простота и тоже драматург старательно избегал «жестов».

Наш герой не делает никаких красных жестов. А вспомните, как в первый вечер с'езда Изотов — поднял руку и показал — «за мой стоять мой ученик!» — и заставил проявлять молодым ораторам.

Мелкие, «техногенные», казались бы, вопросы об эффектной (нечего боиться этого слова, только не нужно понимать его пошло) ситуациях, о яркой тираде — «жестах», заставляющих зрителя запомнить поведение героя и его психические черты, о театральной тираде, которую обыденной обстановке наш художник быть может произносить не будет. — эти вопросы являются сейчас элементами общей, самой важной для нас проблемы — о показе

Г. БЕЛИЦКИЙ.

О НОВОИ ЛИРИКЕ

Незадолго до с'езда я повстречала одного из наших начинающих поэтов. Он жаловался на то, что ему трудно пробиться, что его не только отказываются печатать: с ним в разговорах не хотят... Шпотом он сообщил мне, что его стихи пущены по рукам, в списках. Иного средства от него не нашел.

«Уж эти мне типичные разговорчики, — подумала я полозрительно, — уж эти мне индивидуалисты, упаднички, поэзучники, графоманы» и т. д.!

Он прочитал мне три стихотворения.

Это были очень неплохие стихи на политические темы. Они были комсомольские стихи я, говоря между нами, свежие в проглатываемые.

— Чем обласняют редакции свой отказ? — спросила я, недоумевая.

Поэт ответил в отчаянии:

— Редактор говорит, что теперь требуется чистая лирика, политика в стихах не нужна, а мне лезут в сердце гражданская темы!

Жизнь не allow мне забыть об этом неизвестном случае.

На следующий же день другой способный молодой поэт повторил жалобы первого. Его стихи тоже на политические темы были еще лучше: крепче и остree. Он жаловался: «Редактор согласен со мной в политическом становлении вопроса, но удивляется, зачем в моих стихах общественное путается с интимным?.. Стране, говорит, нужна чистая интимная лирика».

Это начинило становиться проблемой.

А за день до с'езда одна из наших редакций обратилась ко мне с просьбой дополнить в следующих выражениях:

— Дайте нам скорей стихов! лирических, женственных, утонченных стихов, без оттенка гражданственности!..

Конечно, это атавизм, — но мне в глубине души захотелось наказать, а не воспитывать, — запустить в голову данного работодателя не слишком тяжелым пресл-папье.

РАППИ давно, конечно, и открыта дорога лирике, но порода мелких, безответственных чиновников и неуловимых, как блоки, рецензентов, очевидно, живущая. Правда, их разыгрывают, но все еще немало испан от литературы пытаются обратить прекрасную, изумительную за-лачу, заланную литературе партийной и революционной в плоский и будничный жаркет. Их соревнование приводит прямо противоположны рапповским — по тону службы. Ничего не понял в указаниях КИ, они готовы декретировать от лица страны и партии позицию цветочков и бульварных скамеек.

Между тем в стране происходят процессы, имеющие мало равных себе по глубине и плоховитности во всей истории развития человеческого сознания. Это процесс перехода социальных чувств человека в круг его интимнейших и глубочайших личных переживаний. Этот процесс, в котором темное в суетном поиске знания человека, мир его инстинктов становится ясным ему самому, освещ

ется для него самого светом разума. Это процесс, в котором освобождаются неслыханные чувства, скованые прежде, в процессе, в котором говорят просто и по-газетному, общество становится личным и личное общественным.

В мир возвращаются новые, неслыханные по свежести и прелести чувства, переживания, опущения большой жизни.

Я живу в большом старом доме, наследном рабочими, мелкими кустарями, склонными домохозяйками и не-разитыми домработницами.

Вчера был вечер, как вечер.

Косыка напирала на балдахине «Мурочки», ребята и девчата гадали, кричали пьяный и т. д. Косыка осталась на сцене с Юношей под моноклем. Они, конечно, целились в юношку быть может произносить не будет. — эти вопросы являются сейчас элементами общей, самой важной для нас проблемы — о показе

Г. БЕЛИЦКИЙ.

Они помочали. Может быть, он ее не понял.

— В небе! — повторила Юноша:

— Самолет еще не боял, самолет — он плавает по близкому воздуху. А вот есть очень малекая разлука — это страстот.

— Полунашь, далеко! — хихикали Косыка. — Утром в стрatosfere, а вечером дома, как вагоновожатый...

— Дурак! — сказала она со смешком! — я говорю не про время, я говорю про факты! Например, ты на звезде сидишь, а я осталась здесь, а посередине все философии, и нет тебя на всей земле, ни в Москве, ни в Германии. Это и есть разлука!..

— А в небе? — спросила Юноша агрессивно.

Они помочали. Может быть, он ее не понял.

— В небе! — повторила Юноша:

— Самолет еще не боял, самолет — он плавает по близкому воздуху. А вот есть очень малекая разлука — это страстот.

— Полунашь, далеко! — хихикали Косыка. — Утром в стрatosfere, а вечером дома, как вагоновожатый...

— Дурак! — сказала она со смешком! — я говорю не про время, я говорю про факты! Например, ты на звезде сидишь, а я осталась здесь, а посередине все философии, и нет тебя на всей земле, ни в Москве, ни в Германии. Это и есть разлука!..

— А в небе? — спросила Юноша агрессивно.

Они помочали. Может быть, он ее не понял.

— В небе! — повторила Юноша:

— Самолет еще не боял, самолет — он плавает по близкому воздуху. А вот есть очень малекая разлука — это страстот.

— Полунашь, далеко! — хихикали Косыка. — Утром в стрatosfere, а вечером дома, как вагоновожатый...

— Дурак! — сказала она со смешком! — я говорю не про время, я говорю про факты! Например, ты на звезде сидишь, а я осталась здесь, а посередине все философии, и нет тебя на всей земле, ни в Москве, ни в Германии. Это и есть разлука!..

— А в небе? — спросила Юноша агрессивно.

Они помочали. Может быть, он ее не понял.

— В небе! — повторила Юноша:

— Самолет еще не боял, самолет — он плавает по близкому воздуху. А вот есть очень малекая разлука — это страстот.

— Полунашь, далеко! — хихикали Косыка. — Утром в стрatosfere, а вечером дома, как вагоновожатый...

— Дурак! — сказала она со смешком! — я говорю не про время, я говорю про факты! Например, ты на звезде сидишь, а я осталась здесь, а посередине все философии, и нет тебя на всей земле, ни в Москве, ни в Германии. Это и есть разлука!..

— А в небе? — спросила Юноша агрессивно.

Они помочали. Может быть, он ее не понял.

— В небе! — повторила Юноша:

— Самолет еще не боял, самолет — он плавает по близкому воздуху. А вот есть очень малекая разлука — это страстот.

— Полунашь, далеко! — хихикали Косыка. — Утром в стрatosfere, а вечером дома, как вагоновожатый...

— Дурак! — сказала она со смешком! — я говорю не про время, я говорю про факты! Например, ты на звезде сидишь, а я осталась здесь, а посередине все философии, и нет тебя на всей земле, ни в Москве, ни в Германии. Это и есть разлука!..

— А в небе? — спросила Юноша агрессивно.

Они помочали. Может быть, он ее не понял.

— В небе! — повторила Юноша:

— Самолет еще не боял, самолет — он плавает по близкому воздуху. А вот есть очень малекая разлука — это страстот.

— Полунашь, далеко! — хихикали Косыка. — Утром в стрatosfere, а вечером дома, как вагоновожатый...

— Дурак! — сказала она со смешком! — я говорю не про время, я говорю про факты! Например, ты на звезде сидишь, а я осталась здесь, а посередине все философии, и нет тебя на всей земле, ни в Москве, ни в Германии. Это и есть разлука!..

— А в небе? — спросила Юноша агрессивно.

Они помочали. Может быть, он ее не понял.

— В небе! — повторила Юноша:

— Самолет еще не боял, самолет — он плавает по близкому воздуху. А вот есть очень малекая разлука — это страстот.

— Полунашь, далеко! — хихикали Косыка. — Утром в стрatosfere, а вечером дома, как вагоновожатый...

— Дурак! — сказала она со смешком! — я говорю не про время, я говорю про факты! Например, ты на звезде сидишь, а я осталась здесь, а посередине все философии, и нет тебя на всей земле, ни в Москве, ни в Германии. Это и есть разлука!..

— А в небе? — спросила Юноша агрессивно.

Они помочали. Может быть, он ее не понял.

— В небе! — повторила Юноша:

— Самолет еще не боял, самолет — он плавает по близкому воздуху. А вот есть очень малекая разлука — это страстот.

— Полунашь, далеко! — хихикали Косыка. — Утром в стрatosfere, а вечером дома, как вагоновожатый...

— Дурак! — сказала она со смешком! — я говорю не про время, я говорю про факты! Например, ты на звезде сидишь, а я осталась здесь, а посередине все философии, и нет тебя на всей земле, ни в Москве, ни в Германии. Это и есть разлука!..

— А в небе? — спросила Юноша агрессивно.

Они помочали. Может быть, он ее не понял.

— В небе! — повторила Юноша:

— Самолет еще не боял, самолет — он плавает по близкому воздуху. А вот есть очень малекая разлука — это страстот.

— Полунашь, далеко! — хихикали Косыка. — Утром в стрatosfere, а вечером дома, как вагоновожатый...

— Дурак! — сказала она со смешком! — я говорю не про время, я говорю про факты! Например, ты на звезде сидишь, а я осталась здесь, а посередине все философии, и нет тебя на всей земле, ни в Москве, ни в Германии. Это и есть разлука!..

— А в небе? — спросила Юноша агрессивно.

Они помочали. Может быть, он ее не понял.

— В небе! — повторила Юноша:

— Самолет еще не боял, самолет — он плавает по близкому воздуху. А вот есть очень малекая разлука — это страстот.

— Полунашь, далеко! — хихикали Косыка. — Утром в стрatosfere, а вечером дома, как вагоновожатый...

— Дурак! — сказала она со смешком! — я говорю не про время, я говорю про факты! Например, ты на звезде сидишь, а я осталась здесь, а посередине все философии, и нет тебя на всей земле, ни в Москве, ни в Германии. Это и есть разлука!..

— А в небе? — спросила Юноша агрессивно.

Они помочали. Может быть, он ее не понял.

— В небе! — повторила Юноша:

— Самолет еще не боял, самолет — он плавает по близкому воздуху. А вот есть очень малекая разлука — это страстот.

— Полунашь, далеко! — хихикали Косыка. — Утром в стрatosfere, а вечером дома, как вагоновожатый...